

**Константин Шабалдин**

**Свистулька  
Ефрейтора**

**и**

**Адмиральский  
бубен**

Константин Шабалдин

**Свистулька Ефрейтора  
и Адмиральский бубен**

«Автор»

2026

## **Шабалдин К.**

Свистулька Ефрейтора и Адмиральский бубен / К. Шабалдин —  
«Автор», 2026

Самолёт полярной экспедиции терпит крушение в высоких широтах. После изнурительного пешего перехода приходит гибельное спасение. И всё это под звуки бубна и свистульки. Но чтобы настроиться частоту бессмертия, инструменты должны звучать вместе, а вторым пилотом в этом дуэте становится человеческая душа. Теперь штурману предстоит решить, что страшнее: погибнуть в ледяной пустыне или сыграть для пришельца мелодию, от которой трескается небо.

## Содержание

|                                   |   |
|-----------------------------------|---|
| Глава                             | 5 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 7 |

# Свистулька Ефрейтора и Адмиральский бубен

## Глава

И вот когда мы наконец-то перебрались через это обширное ледовое поле, стало ясно, что байдарке нашей кранты. Тащить её волоком, конечно, было нельзя: перкалевое днище истёрлось в клочья о такой гладкий с виду лёд. Мы сгупили. Эта глупость будет стоить жизни моим товарищам. Ведь теперь нам предстояло переть пёхом двести вёрст, вместо того, чтобы пройти морем каких-то пару километров. Но тогда мы ещё не понимали. Мы не знали, куда вляпались. Тогда, помнится, лохматый Витька просто сказал:

— А давайте выпьем спирту! — и мы выпили спирта и закусили сгущенным молоком. При минус тридцати оно было как мягкая карамель.

И это нам ещё повезло с погодой. И ещё нам очень повезло со жратвой, её было много. И только самой невероятной везухой можно было объяснить нашу, хоть и аварийную, но всё же посадку. Разбитый в хлам самолёт, пришедшую в негодность байдарку и почившую в бозе рацию мы относили к неудачам, и это успокаивало Толика, который бредил популярной тогда теорией вероятности. И если количество хорошего и плохого выходило за рамки пропорциональных погрешностей, он начинал причитать о каких-то флуктуациях.

— А так всё нормально, — сказал Толик.

И раз уж паникёр Толик решил, что всё нормально, у нас точно не было причин для беспокойства. Мы просто переименовали нагруженную продовольствием байдарку в волокуши и, взяв курс зюйд-зюйд-вест, побрели в сторону Земли Франца-Иосифа. Разбились на две тройки и менялись через каждые тысячу шагов. Только Ефрейтор не тащил волокуши, он сильно расшибся при посадке и теперь, прихрамывая, шёл впереди. Ему и поручили считать шаги, но он всё время сбивался. Поэтому я сам автоматически вёл подсчёт, мне это проще, я был штурман.

Паникёр Толик и лохматый Витька были со мной в одной тройке, это понятно: Толик — радист, а Витька наш пилот. Мы экипаж. А вот трое матросов и Ефрейтор не были экипажем, они были с разных судов, Ефрейтор и вовсе из береговой охраны, и полетели с нами они в качестве грузчиков. Мы забрасывали продовольствие на полярную станцию. Теперь станция осталась без продовольствия, а мы остались без самолёта, без байдарки и почти без шансов выбраться из этой заварухи живыми. Что бы там не утверждала теория вероятности. Но тогда мы этого не понимали. Поначалу. Мы даже пытались шутить про семеро смелых. Я этот фильм успел посмотреть как раз перед вылетом нашей экспедиции. Хорошее кино.

Сперва Витька пытался командовать, но быстро сдулся. Он винил себя за ЧП, но его вины в аварии не было. Обледенение это такая штука, что никто не застрахован. Он ещё умудрился довольно-таки аккуратно нас приземлить, не хуже Чкалова на острове Удд. Но матросы глядели на него косо и мне хотелось надавать им по мордам. Они первыми и погибли. Матросы. Все трое, разом они ухнули в трещину, заметённую снегом. Провалились, утянув за собой волокушу со жратвой, жестяной печкой, запасом топлива и неисправной рацией. Погибли сразу и мы не знали, что уже скоро будем им завидовать. Мы были чудовищно беспечны. Но нас можно простить. Мы были энтузиасты, мы верили в себя, мы были сильны, мы были молоды.

Только Витька тогда сказал:

— А нехорошо получилось, товарищи...

У нас осталось немного еды в вещмешках, фляга со спиртом и плащ-палатка. У Ефрейтора был автомат, у лохматого Витьки — наган. Нашлись спички, но развести костёр в этом ледяном царстве было решительно не из чего. И у нас сразу поубавилось оптимизма. Но мы

продолжили путь, прежним курсом, регулярно сверяясь с азимутом. Мне это было не трудно. Я же штурман. А матросов этих мы даже по именам запомнить не успели. Один, кажется, был Зотов, другой, точно, Готов. И всё.

Лучше всех держался, как ни странно, Ефрейтор. Молодой совсем парнишка, он слегка даже дурачился, изображая из себя морского волка. Ну, типа: «Мы же экипаж!», и всё такое. На стоянке он умудрился соорудить себе боцманскую дудку. Взял консервную банку, почекрыжил её своим штык-ножом, как-то там загнул-свернул и уже через минуту над проклятой Арктикой разнеслась пронзительная трель.

— Что это? — словно очнувшись, спросил Толик.

— Боцманская дудка, — гордо ответил Ефрейтор. — Для подачи звуковых сигналов, согласно обстоятельствам.

— Сам ты дудка! — неожиданно рассердившись, крикнул Толик. — Свисток это у тебя. Свистулька.

Мы с Витькой переглянулись, но ничего не сказали.

А с Толиком становилось всё хуже и хуже. Нет, он шёл, не жаловался, хотя новые унты сильно натёрли ему ноги. Но на привалах он вяло ковырял консервы, а ковырять консервы в наших условиях было весьма затруднительно, потому что жрать хотелось постоянно. Неимоверно хотелось жрать. Но строгий Витька ввёл норму: полбанки и сухарь каждые шесть часов. Ещё было немного шоколада, мы его потихоньку подсовывали Ефрейтору, который заметно слабел. Зато он умудрился пару раз сварить кипяток, поджигая под котелком кусочки моей штурманской планшетки. В жизни своей я не пил ничего вкуснее того кипятка! А Ефрейтор каждое событие отмечал пронзительными свистками своей дудки. Нам с Витькой было всё равно, но Толик каждый раз смотрел зверем. И ещё Толик повадился постоянно спрашивать у Витьки:

— Ты рацию хорошо смотрел? Может, работает?

И он повторял это примерно каждые сто шагов, и мне не нравилось, что каждый раз он спрашивает то тревожно, то равнодушно, а то и с надеждой. Витька уже не пытался ему объяснить, что рация давно мокнет на дне океана. Скоро Толик совсем перестал есть, а мы и не настаивали. Просто ждали, когда он упадёт и не встанет, а мы пойдём дальше.

Ночёвки, если можно так назвать остановки для сна, когда мы, закутавшись в плащ-палатку и подложив под голову толстые вещмешки, дремали, не давали полноценного отдыха. Ефрейтор жалобно стонал во сне, а Толик скрипел зубами. А мне хотелось настоящей ночи. Полярный день давил мне на психику, тем более, что у нас не было тёмных очков. Поэтому тогда мне хотелось темноты, может быть даже больше, чем еды и тепла. Мы уже понимали, что проклятая Арктика скоро доконает нас, но Ефрейтор дул в свою дудку, и мы снова поднимались и шли. А то, что от его трелей весь мир подёргивался радужной мозаикой, я относил к своему и так уже полуобморочному состоянию.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.